

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНОСТЬ ВЛАСТИ»

*Виктор Согомонян**

В постсоветской политической и политологической лексике понятие «публичность власти» имеет относительно конкретное употребление; за ним закрепились две постоянные дескрипции:

1. «Публичность власти» определяется как *транспарентность и гласность деятельности власти* в совокупности этих состояний, как *открытость власти* с наличием *реальной возможности участия граждан в управлении государством*. Украинский политолог Виктор Степаненко в статье «Политическая публичность в трансформации: дискурсы, символизации и практики в Украине в 2000-х гг.» точно формулирует эти определения публичности: «1) как открытость функционирования властной бюрократии и государственных институтов, прозрачность принятия ими политических решений и подотчетность властных институтов гражданам и 2) участие граждан в формировании политической повестки дня и властных решений, в частности посредством таких практик и процедур, как дебаты, обсуждения и комментарии общественно-значимых вопросов в прессе, функционирование и представительство института общественного мнения при достаточном уровне развития конструктивного социального критицизма, общественные инициативы, движения и манифестации, цивилизованный лоббизм различных групп интересов и другие практики»¹.
2. Под «публичностью власти» понимается периодическое совершение властью открытых перед общественностью действий, материализую-

* Кандидат филологических наук.

¹ Степаненко В., Публичность власти, или Как усмирить революционного джинна? Цитируется по сайту украинской ежедневной газеты «День», <http://www.day.kiev.ua/134935/>.

щеется через взаимодействие с масс-медиа; в итоге – субъектное/объектное фигурирование власти в СМИ, «медийность власти», уровень которой можно измерить при помощи конкретного статистического индикатора – количеству упоминаний в масс-медиа¹.

В первом приближении эти определения как нельзя лучше подходят для объяснения понятия «публичности власти». Что же еще называть «публичностью», если не открытость, гласность, постоянную транспарентную деятельность и медийность власти? Однако более детальное рассмотрение этих определений, как и факта их совместного процессирования в отношении к одному и тому же понятию, выявляет целый ряд сомнений.

1. В первую очередь следует заметить, что оба определения лишены *уникальности означающего*: в обоих случаях термин «публичность» без труда может быть заменен иными терминами – кстати, во многом более точными. В первом случае это может быть термин «транспарентность», или «гласность», во втором, как и было указано, – «медийность». Как кажется, применение здесь термина «публичность» сильно расширяет круг явлений, к которым может относиться означающее: это все равно, как если, рассказывая о встрече с преподавателем университета, говорить о встрече с представителем Человечества.
2. О первом определении. Если допустить, что термин «публичность» все же может быть использован для обозначения транспарентности и гласности деятельности власти, то первое определение сохранит свою истинность только в применении к демократическому режиму и не может быть применено к любой другой власти. Трудно представить себе авторитарную или тоталитарную власть, к которой хотя бы одна из приведенных дескрипций этого определения может иметь реальное отношение. Это определение более обращено к *описанию признака политической системы*. Здесь очевидно акцентирование самой системы транспарентного управления, в которой власть вынуждена действовать согласно определенным правилам и традициям т.н. «публичности». Именно поэтому здесь наблюдается практически полное совпадение дескрипций с хрестоматийными определениями демократии:

¹ См. рейтинг публичности российской власти журнала «Ъ-Власть».

«Демократия в современном смысле этого понятия означает формально равное участие полноправных граждан в формировании и осуществлении государственной власти. Принцип демократии – это формальное равенство в политике, формальное равенство политических идеологий и объединений, партий, формально равная для всех субъектов государственно-правового общения возможность участвовать в формировании государственной воли. Признаком современной демократии прежде всего являются политические свободы – идеологический и политический плюрализм, многопартийность, свобода выражения мнений, свобода средств массовой информации, свободы объединений, собраний и манифестаций, всеобщее и равное избирательное право, право петиций» [1]. «В условиях демократии правительство должно быть прозрачным в той степени, в которой это возможно – то есть, результаты его обсуждений и решения должны быть открыты для народа... Граждане имеют право знать, на что расходуются их налоги, является ли отправление правосудия эффективным и законным, и насколько ответственно подходят к выполнению своих обязанностей избранные ими представители. Способы распространения такой информации в разных странах отличаются, но ни одно демократическое правительство не может функционировать в обстановке отсутствия гласности»¹. Кроме того, в контексте фактически наблюдаемого совместного, синтезированного процессирования первого определения со вторым, автоматически выводимое из первого суждение о том, что *публичность есть исключительный признак демократической власти*, становится ложным. Медийность власти, вновь интерпретируемая как «публичность власти», с учетом того, что единицей медийности считается любой вид фигурирования представителей власти в масс-медиа вне зависимости от содержательного наполнения, фактора субъектности-объектности, представленности и др., может наблюдаться при любом политическом режиме. Так, известно, что в Советском Союзе центральное телевидение и пресса в обязательном порядке передавали

¹ Юрофски, Мелвин И., Право граждан на получение информации: «прозрачность» деятельности государственных органов. Цитируется по официальному сайту Бюро международных информационных программ (БМИП) Государственного департамента США, <http://www.infousa.ru/government/dmpaper1.htm>.

официальные сообщения о заседаниях фактического высшего органа власти – Политбюро ЦК КПСС, о принятых им решениях и постановлениях, а все руководители Советского государства постоянно фигурировали в масс-медиа. Таким образом, эти два определения по сути взаимоисключают друг друга в плане абсолютной отнесенности к одному и тому же понятию.

3. Если условно допустить не синтезированное и пересекающееся, а параллельное функционирование этих интерпретаций в их различающихся смыслах, но с одним и тем же означающим (что для политологического понятия выглядит, как минимум, необычно) и определять «публичность власти» одновременно или избирательно как транспарентность и/или как медийность, то, так или иначе, существующий «системный» конфликт между рассматриваемыми определениями преодолен не будет. Дело в том, что хоть оба определения и совпадают в плане указания на *способы* деятельности власти в публичном пространстве, но в них заложено кардинально иное понимание отношения власти к этому пространству и действий в нем. В одном случае это создание или сохранение *своего* пространства открытости и его практически полного отождествления с уже объективно существующим публичным пространством, подчинением ему; в другом – периодический, но временный выход из *своего* закрытого пространства и *волевое периодическое участие* в объективно существующем публичном пространстве. Здесь, конечно же, налицо принципиальная разница: одно дело жить в доме со стеклянными не занавешенными стенами и постоянно открытыми дверьми (открытость функционирования властной бюрократии и государственных институтов, прозрачность принятия ими политических решений, подотчетность властных институтов гражданам и др.), где протяженность «публичности» имеет признак бесконечности, другое дело, руководствуясь собственными решениями или политической необходимостью, проводить часть жизни на тротуаре перед домом (периодическое совершение властью открытых перед общественностью действий).
4. Интересно обратиться к грамматике и семантике словосочетания «публичность власти». Легко заметить, что слово *публичность* как в пер-

вом, так и во втором определении, в семантическом плане рассматривается как стержневое и понимается абсолютно, как бы вне рамок самого словосочетания, лишь с механическим приплюсованием к нему слова *власть*. То есть из-за экспрессивного превалирования в этом словосочетании, оно некоторым образом присваивает его, включает в себя слово *власть* в качестве зависимого компонента словосочетания и понимается в этой целостности как абстрактное существительное, выраженное сочетанием слов и мотивированное качественным прилагательным, что создает возможность выражения разной степени интенсивности обозначаемого признака: *абсолютная публичность власти, достаточная/недостаточная публичность власти, сдержанная публичность власти* и т.д. Как кажется, именно в силу такого понимания акцент в интерпретациях «публичности власти» ставится на системные признаки политического режима или переменные способы оперирования в публичном пространстве, а дискуссии вокруг «публичности власти» в той или иной стране бывшего СССР в большинстве случаев ведутся именно вокруг степени/интенсивности этой «публичности». Но этот подход, который можно по праву назвать эмоционально переосмысленным, ошибочен: в этом словосочетании стержневым компонентом является *власть*, а *публичность* должна лишь указывать на его некоторое *свойство*, так как «семантика имен на *-ость* во многом зависит от того, употребляются ли они абсолютно или в сочетании с родительным падежом существительного, *качество и внутреннее свойство* (курсив мой – *В.С.*) которого они выражают» [2]. В рассматриваемом понятии мы имеем дело именно с подобным сочетанием, где абстрактное существительное *публичность* указывает не на переменную характеристику или процессурующий признак *власти*, а на ее неотъемлемое свойство (как, например, *протяженность тела, неизбежность смерти*), которое не может иметь степени интенсивности. Такая интерпретация понятия «публичность власти» кажется наиболее приемлемой; к ней мы еще вернемся.

5. И, наконец, небольшое дополнение относительно второго определения. Как кажется, использование термина «публичность» в данной интерпре-

тации выглядит еще и неким подлогом, и не только по причине очевидной и бесспорной для этого случая точности термина «медийность». Лежащее в основе этой интерпретации игнорирование сущностной, содержательной стороны публичных действий власти придает понятию весьма сильный признак синтетичности, где математическое количество упоминаний в масс-медиа может с успехом заменить осмысленное качество медийности. Закрепление в общественном сознании столь технической интерпретации понятия «публичности власти», особенно в странах постсоветского пространства, может привести к серьезной деформации критериев объективного восприятия действий власти.

Таким образом, можно утверждать, что бытующие в современной политологической лексике определения и интерпретации понятия «публичность власти» соответствуют его форме и сущностной семантике лишь отчасти, только в некоторых, поверхностных или ситуативных характеристиках. Суждения, выводимые из этих определений (*публичность есть исключительный признак демократической власти, и фигурирование власти в масс-медиа является публичностью*) могут считаться истинными либо со значительными оговорками, либо в случае совпадения множества дейктических контекстов. Согласно кантовской терминологии, это *синтетические суждения*, так как здесь предикат **В** (публичность в смысле транспарентности или медийности) не принадлежит субъекту **А** (власти) как нечто содержащееся в его понятии, а целиком находится вне этого понятия **А**, хоть и некоторым образом связан с ним.

Такое положение дел, естественно, устраивать не может: обладание столь обширным категорическим термином, как «публичность власти», требует от его наполнителя максимально полного соответствия, не обусловленного переменным поведением субъекта или в целом подходящим, но по сути очень приблизительным обозначением. Так, феномен театра не может объясняться лишь отдельными особенностями взаимодействия актеров с публикой. Актер (режиссер, драматург) может использовать зрительский зал в качестве сцены или входить в диалог со зрителями, но может и не делать этого; спектакль с успехом может разыгрываться только на основной сцене, и аспект использования/неиспользования зрительского зала не может быть

решающим для определения того, является ли происходящее театральным искусством. Это всего лишь вариативный метод, дополнительное средство выражения; оно не может заменить собой стержневое для театра действо на центральной сцене, которое так или иначе полностью направлено на взаимодействие с публикой и обретает смысл исключительно благодаря присутствию зрителей. Точно так же, в случае с понятием «публичности власти», аспекты медийности и демократичности не могут быть приняты как однозначные индикаторы определения наличия/отсутствия «публичности власти»; на примере театра, как и в контексте грамматического и семантического анализа, становится очевидно, что это понятие должно обозначать нечто уникальное, неотъемлемо присущее исключительно данному институту вне зависимости от его вариабельных характеристик.

Из всего сказанного можно сделать как минимум два вывода:

1. «публичность власти» не может быть определена как *способ* действия власти или как *уровень открытости канала коммуникации* власть – общество. Это приводит, как мы убедились, к искажению смыслов, к подмене общего понятия частным, *pars pro toto*;
2. ключ к глубинному определению понятия «публичности власти» следует искать не в ряду характеристик или качеств власти, а в *ее свойствах и природе, в системе потребностей власти*, тех, которые необходимы для осуществления основной и определяющей ее функции – функции управления.

Следовательно, чтобы сформулировать правильное определение понятия «публичность власти», нам следует ввести некое *аналитическое суждение*, где предикат **В** будет принадлежать субъекту **А** как нечто содержащееся в этом понятии **А**. Это суждение, как кажется, должно выглядеть следующим образом: *публичность есть неотъемлемое свойство любой власти*.

Понятно, что такой, с первого взгляда – несколько категоричный подход к интерпретации понятия «публичность власти» требует пояснений. Для этого рассмотрим следующие вопросы, уяснение которых может обосновать данное суждение: а) какие действия власти осуществляются в публичном пространстве и *не могут осуществляться в другом?* б) какие из этих действий, являющихся исключительной прерогативой власти, должны со-

вершаться *обязательно* для реализации институциональных функций власти, *любой* власти, вне зависимости от ее характера?

В первую очередь обозначим те обязательные действия власти, которые должны или гипотетически могут совершаться публично, открыто перед всеобщностью (Арендт) и рассмотрим их на предмет соответствия введенному суждению. Это:

1. отправление ритуалов власти и проведение государственных церемоний;
2. распространение приказов;
3. другие действия в рамках прав, обязанностей и компетенции власти;
4. политические действия.

1. Необходимость проведения наиболее значимых государственных церемоний и ритуалов власти исключительно в публичном пространстве сомнений не вызывает. Более того, как свидетельствуют многочисленные исторические факты и примеры из современности, именно публичное отправление и проведение ритуалов и церемоний, таких, как триумфы, коронации, религиозные и государственные праздники, инаугурации и др. составляет весь их смысл¹. К примеру, одна из основных таких церемоний – вступление правителя в должность – становилась и становится обязательным, ключевым креатором легитимности власти, воспринимается ее подданными и правителями других государств как подтверждение экзистенции суверенной и легитимной власти в данной стране. Коронации и инаугурации всегда имели исключительно «адресатную», внешнюю направленность: публичная демонстрация нового правителя *urbi et orbi* в момент обретения легитимности была и остается главной целью таких церемоний. Именно поэтому наличию максимально большего количества зрителей и свидетелей, местных и иностранных, непосредственно присутствующих и участвующих в церемонии или каким-либо образом за ней наблюдающих, всегда придавалось важное значение. «Успенский собор невелик. По размерам он не больше четверти Реймского собора или Вестминстерского аббатства, и только высшая знать могла присутствовать на службах. Но гораздо больше зрителей могло быть на шествиях царской элиты в собор и из собора, когда царь, духовенство и царские слуги охранялись большим количеством стрельцов. Пе-

¹ Как метко отмечает Д.Кэннэдайн, «ритуал – это не маска силы, а тип власти» [3, с. 19].

ренесение регалий и переход царя из Грановитой палаты в собор сопровождалось публичными шествиями. Когда царь вступал в собор, хор возглашал «Многая лета». Чин (имеется в виду описание порядка, протокол – *В.С.*) венчания на царство снова и снова подчеркивал «благочиние» шествия и мощный эмоциональный отклик толпы на площади. Наличие зрителей, как указывает чин, свидетельствовало о международной славе русского царя» [3]. В России, как правило, для всеобщего оповещения о помазании монарха несколько дней подряд по всей стране народу зачитывались грамоты с описанием церемонии, изготавливались или печатались специальные, иллюстрированные знаменитыми художниками, альбомы¹ и т.п. В XX веке отношение к обязательной публичности таких церемоний по понятным причинам не изменилось, а аудитория коронаций и инаугураций благодаря масс-медиа расширилась до всемирного масштаба. Коронация папы Пия XII в 1939г. была снята на киноплёнку и впервые в истории передана в прямом эфире по радио. В 1949г. Гарри Трумэн стал первым американским президентом, инаугурация которого транслировалась по телевидению. Коронация Елизаветы II в Вестминстерском аббатстве 2 июня 1953г. впервые в истории британской монархии транслировалась по радио и телевидению по всему миру; ее посмотрели около 20 миллионов человек. Инаугурация президента США Билла Клинтона в 1997г. впервые транслировалась и по сети Интернет.

Из этого правила есть относительные исключения: так, первые секретари ЦК КПСС, фактические лидеры Советского государства, избирались на закрытых собраниях и там же официально вступали в должность², а советский государственный протокол не предусматривал особой инаугурационной церемонии. Однако этот пробел восполнялся другими церемониями – грандиозными ежегодными государственными праздниками (напр. годовщина Октябрьской революции, отмечаемая 7 ноября), которые проводились с большим размахом, транслировались по телевидению, отличались массовостью и становились демонстрацией легитимности советских правителей.

¹ В качестве образца служил коронационный альбом короля Франции Людовика XV [3, с. 369].

² Вот информационное сообщение о смене главы СССР от 14 октября 1964г.: «Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. 14 октября с.г. состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС. Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н.С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья. Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л.И.». Цитируется по сайту «Хронос.ру», <http://www.hrono.info/dokum/hrushgo.html>.

Ритуалами или церемониями, по сути, являются и некоторые публичные выступления носителей власти – такие, как послание главы государства к парламенту, его обращение к народу, его традиционные выступления по случаю государственных, национальных, религиозных праздников и др. Эти действия так же безусловно предполагают их совершение в публичном пространстве.

2. Под распространением приказов имеется в виду процесс транслирования властного сигнала, относящегося ко всем подданным; процесс приказывания, который реализует функцию всеобщего управления и безусловно должен совершаться открыто. Здесь не может быть каких-либо исключений: норма, будь то приказ или закон, не доведенная до всеобщего сведения, т.е. *не обнародованная* или *не опубликованная*, не порождает правовых последствий. Для того чтобы управлять, надо приказывать, а для того чтобы управлять всеми, нужно приказывать всем. Отданный во всеуслышание приказ – это зримая форма проявления власти, ее проводник, инструмент, без которого она остается «вещью в себе» (Кант). Именно поэтому институт распространителей приказов – глашатаев – одно из древнейших установлений государственной власти. Здесь, как кажется, дополнительных комментариев не требуется; лишь в качестве образца формулировки понятия обнародования, приведем цитату из «Гражданского кодекса» Французской Республики: «Опубликование – это акт, при помощи которого *глава Государства удостоверяет существование закона* (все курсивы цитаты мои – **В.С.**) и *дает приказ* государственным властям исполнять и следить за исполнением этого закона. Этот акт не имеет других дат, кроме даты подписания, хотя он *вступает в силу, как и сам закон, только после обнародования* в условиях, предусмотренных законами и нормативными актами. <...> *Обнародование – главное условие обязательности закона – это совокупность действий, направленных на то, чтобы довести до сведения населения новый закон и сроки обнародования.* Законы обязательны к исполнению на всей территории Франции *в силу их опубликования* Президентом Республики. Они начинают исполняться на всей территории Республики с того момента, *как опубликование будет признано известным*»¹. Естественно, аналогичные статьи в обязательном порядке фигурируют и в законодательствах иных стран.

¹ Гражданский кодекс Французской Республики. Цитируется по: www.constitutions.ru.

3. Перечень других действий власти, находящихся в рамках ее прав, обязанностей и компетенции достаточно большой: совещания, заседания, встречи, приемы, посещения, внешние и внутренние визиты и т.д. Среднестатистический потребитель масс-медиа, привыкший наблюдать эти действия носителей власти практически ежедневно, может счесть их в качестве обязательно публичных. Однако открытость совершения властью таких действий не может рассматриваться как обязательное условие; эти действия имеют смысл, не обусловленный публичностью, и достигают поставленных целей и при их совершении в закрытом режиме. Здесь можно привести множество примеров, где оперирование публичностью является строго переменным и полностью зависит от воли конкретных носителей власти; при этом, речь может идти как о демократической, так и любой другой власти. Глава демократического государства может проводить несколько закрытых совещаний и встреч в течение дня, о которых не будет сообщено общественности, и это совершенно обычная практика. В то же время, исходя из тех или иных причин или поставленных целей, некоторые из них могут проводиться открыто: здесь нет и не может быть законченной регламентации относительно открытости/закрытости таких мероприятий. Что касается визитов глав государств – внутренних или внешних, то их публичность является обязательной только в условиях функционирования демократического режима. Практика тайных и не освещаемых прессой визитов, даже зарубежных, всегда широко использовалась авторитарными правителями и диктаторами: вспомним хотя бы известный тайный визит Ким Ир Сена в Москву в апреле 1950г.

4. Под политическими действиями следует понимать те *вербальные* действия власти, которые тем или иным образом обращены к общественному мнению. Это сопровождающиеся выступлениями носителей власти публичные встречи с представителями общественности, различных социальных групп, масс-медиа, политических партий, а так же все те публичные выступления, которые выходят за рамки ритуалов. Указанные действия, как правило, бывают направлены либо на формирование положительного общественного мнения о власти и проводимой ею политике в различных сферах деятельности государства путем позиционирования, убеждения и информирования (обычная практика в демократических странах), либо на закрепление в общественном сознании единственно приемлемых для действующей

власти представлений об актуальных политических процессах в стране и в мире путем синтеза информирования и латентного приказывания (может наблюдаться при всех политических режимах). В соответствии с очевидной разницей, наблюдаемой в сути преследуемых целей и различию средств достижения результата, обозначим эти два вида политических действий власти как а) идентификационные и б) реализующие.

а) Этимология названия обоих видов обращена к конечному результату, который в идеале должен достигаться властью по совершении подобных действий. В первом случае таким результатом является адекватная (в оценке самой власти) *идентификация* власти, ее деятельности и ее носителей обществом. Премьер-министр и, одновременно, глава правящей партии, исходя из важности этой идентификации электоратом, должен время от времени общаться с ним в публичном пространстве, объяснять подходы по тому или иному вопросу, обосновывать принятые решения, при этом выказывать свои лучшие – политические, управленческие и личностные – качества и т.п. В итоге, это именно то, что принято называть *PR*. Относительно пространства осуществления *PR* все предельно ясно: бесспорно, он обретает смысл лишь в публичном осуществлении, его функционирование в закрытом пространстве абсурдно. В то же время, как понятно, осуществление публичного *PR* в условиях иных политических режимов, чем демократический, по известным причинам теряет смысл и выглядит пустой тратой времени и ресурсов: его с успехом заменяет пропаганда. Следовательно, идентификационные политические действия власти, хоть и должны осуществляться исключительно в открытом общественном пространстве, но само их процессирование вариативно по своей сути и не может расцениваться как обязательное при любом политическом режиме.

б) Конечной целью политических действий власти является *реализация власти*; в основе этого способа лежит приказывание (хоть и латентное), чаще всего осуществляемое методом называния, *номинации*. Основное различие от метода прямого приказывания здесь заключается в том, что в этом случае меняется способ формулирования и распространения приказа: вместо прямого опубликования нормативно сформулированных приказных актов проводится процесс транслирования властного сигнала в форме политической речи. Представитель или основной носитель власти в процессе пуб-

личного выступления номинирует отдельные явления политической жизни страны и мира и как бы диктует их единственно верную интерпретацию для формирования соответствующего общественного мнения по ним. Этот метод реализации власти широко известен и детально исследован. «Уже сам факт наименования вещи или явления является одновременно фактом классификации (категоризации, отнесения к категории), а власть, скрытая в языке, как считает Р.Барт, связана прежде всего с тем, что язык – это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения – “порядок” и “угроза”. Навешивание ярлыков, активное вмешательство в процесс именования, столь характерное для политиков “во власти”, является попыткой воздействовать на существующую в сознании электората картину мира политики, на его когнитивную базу в области политической коммуникации. Язык активно используется властью как средство ограничивающего (рестриктивного) воздействия. Он может восприниматься властью как самостоятельный рестриктивный механизм, требующий постоянного вмешательства и контроля. Это, в частности, реализуется в именовании, в отстаивании определенных названий, переименовании, творении новых имен и т.д.»¹. Простейшая форма политической власти – возможность и способность называть и вызывать к существованию определенные явления при помощи номинации. При реализации этой формы власти назвать – значит уже закрепить за объектом некоторые качества и породить в связи с этим некоторые явления [4]. Реализующие политические действия власти, как было отмечено, могут наблюдаться в условиях любого режима и, согласно своим характеристикам, должны осуществляться исключительно в публичном пространстве. При этом, для успешного достижения цели, степень их тиражирования, обнародования, должна быть идентична степени обнародования нормативных актов.

Для наглядности сказанного обратимся к одному из выступлений И.Сталина. Вот отрывок из речи, произнесенной им 11 декабря 1937г. в Большом театре в Москве, на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа: «...Меня выставили кандидатом в депутаты, и избирательная комиссия Сталинского округа советской столицы зарегистрировала

¹ Шейгал Е., Власть как концепт и категория дискурса. Цитируется по сайту Философского факультета МГУ, <http://filosfak.ru/biblio>.

меня как кандидата в депутаты. Это, товарищи, большое доверие. Разрешите принести вам, товарищи, глубокую большевистскую благодарность за доверие, которое вы оказали партии большевиков, членом которой я состою, и лично мне, как представителю этой партии. Я знаю, что значит доверие. Оно, естественно, возлагает на меня новые, дополнительные обязанности и, стало быть, новую, дополнительную ответственность. Что же, у нас, у большевиков не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой. Со своей стороны, я бы хотел заверить вас, товарищи, что вы смело можете положиться на товарища Сталина. Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом, перед рабочим классом, перед интеллигенцией. Далее, я хотел бы, товарищи, поздравить вас с наступающим всенародным праздником, с днем выборов в Верховный Совет Советского Союза. Предстоящие выборы – это не просто выборы, товарищи. Это действительно всенародный праздник наших рабочих, наших крестьян, нашей интеллигенции. Никогда в мире еще не бывало таких свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера» [5]. Интересно проследить, как здесь советский диктатор при помощи номинации конкретных явлений лично¹ отсылает коды управления, приказы; естественно, не как баллотируемый кандидат в округе имени себя и не своим «избирателям», а как фактический глава государства всему советскому народу. Он императивно формирует единственно приемлемый политический контекст восприятия своей персоны и грядущих выборов, делая это в форме предвыборной речи, которая содержит целый ряд хоть и латентных, но очень конкретных указаний. Так, Сталин: 1. проводит отождествление между собой и правящей партией; 2. формулирует общие, в данном случае – императивные (связанные не только с предстоящими выборами) политические лозунги с собственным именем; 3. определяет день выборов как праздник, т.е. как ритуал; процесс, не предполагающий политической борьбы и не терпящий альтернативного исхода, и, наконец, 4. называет выборы демократиче-

¹ Интересно ознакомиться с началом этой речи: «Товарищи, признаться, я не имел намерения выступать. Но наш уважаемый Никита Сергеевич, можно сказать, силком притащил меня сюда, на собрание: скажи, говорит, хорошую речь. О чем сказать, какую речь? Все, что нужно было сказать перед выборами, уже сказано и пересказано в речах товарищей Калинина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова и многих других ответственных товарищей. Что еще можно прибавить к этим речам? Требуются, говорят, некоторые разъяснения по некоторым вопросам избирательной кампании. Какие разъяснения, по каким вопросам? Все, что нужно было разъяснить, уже разъяснено и переразъяснено...» [5, с. 454].

скими и, следовательно, легитимными. Если переформулировать сказанное Сталиным в форму прямых приказов или указаний, то они условно могли бы выглядеть следующим образом:

1. считать товарища Сталина олицетворением партии большевиков;
2. считать товарища Сталина единоличным лидером всего рабочего класса;
3. считать выборы в СССР беспрецедентно демократическими;
4. день голосования объявляется днем всенародного праздника.

Можно быть уверенным, что речь Сталина в свое время была воспринята адресатами именно в этом ключе. Таким образом, публичное выступление первого лица государства становится способом реализации власти, механизмом распространения приказов и указаний, предназначенных для всех. Совершенно естественно, что эта речь Сталина не только транслировалась по радио и была полностью напечатана в центральной газете «Правда» (номер от 12 декабря 1937г.), но и выпущена через несколько дней отдельной брошюрой. Очевидно, что достигнуть поставленной цели было бы невозможно, если эта речь не была бы обнародована надлежащим образом.

Подводя итог сказанному, можно констатировать:

- отправление властных ритуалов и проведение государственных церемоний, а также постоянный процесс транслирования властного сигнала, относящегося ко всем, т.е. приказывание – прямое или латентное – являются действиями в рамках исключительной прерогативы власти, которые должны обязательно совершаться любой властью для официального обретения легитимности и реализации институциональной функции управления государством;
- эти действия власти, вне зависимости от ее характера и процессирующего политического режима, в отличие от всех других действий должны осуществляться открыто, исключительно в публичном пространстве и не могут осуществляться в другом.

Как кажется, в этом контексте полностью обосновывается и обретает бесспорную истинность введенное выше суждение о том, что *публичность есть неотъемлемое свойство любой власти*. Это обратная сторона *закрытости*

власти; та часть ее деятельности, которая не просто вариативно *может*, но *должна* осуществляться исключительно в публичном пространстве и не может осуществляться в другом. Это уже реальная, а не синтетическая или системная «публичность власти»: в оперировании ею решающую роль играет не воля того или иного правителя, не степень демократичности управляемого им государства, а насущная необходимость, порожденная природой власти и поддерживаемая интенциональностью социума к власти (Серль), то есть воли к подчинению. Можно сказать, что приказная и ритуальная публичность, как каждая в отдельности, так и в синтезе – это инсигния власти. Любая власть просто обречена на публичность в данном понимании; именно в силу этого политическая история мира изобилует примерами публичного императива и церемониала, если не сказать, что она состоит из них. Для обретения легитимности и осуществления функции всеобщего управления иного пространства, чем абсолютная публичность, не существует.

Следовательно, «публичность власти» нужно определять как комплекс тех действий власти, которые осуществляются в рамках следующих двух процессов:

1. перманентного информативного процесса распространения кодов управления, то есть процесса распространения всеобщих приказов. На лингвистическом уровне это процесс оперирования перформативами, реализация которых имеет смысл и возможна лишь в полностью открытом публичном пространстве. В итоге, это комплекс необходимых для осуществления управления государством речевых действий власти, которые для достижения цели должны совершаться открыто, публично;
2. процесса совершения ритуальных и церемониальных действий, которые имеют целью создание или подтверждение экзистенции/легитимности власти.

Ноябрь, 2011г.

Источники и литература

1. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов. Под общ. ред. академика РАН, д. ю. и., проф. В.С.Нерсесянца. – М.: «Норма», 2004. – 832с.

2. *Виноградов В.В.*, Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. – 495 с.
3. *Уортман Р.*, Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х томах. – М.: ОГИ, 2004. – 607, 797 с.
4. *Бурдые П.*, Символическое пространство и генезис классов. // Социология социального пространства. – М.: Прогресс, 1997, сс. 28-49.
5. *Сталин И.В.*, Избранные сочинения в 3-х томах. – Киров: ОАО «Семеко», 2004. т.2 – 385 с.
6. Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов под редакцией М.Соколовой, В.Фурса. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 224 с.

ON DEFINITION OF THE “PUBLICITY OF POWER” CONCEPT

Victor Soghomonyan

Resume

Definitions and interpretations of “publicity of power” existing in the modern political vocabulary constitute its form and essential semantics only partially – in some surface or situational characteristics. Propositions deduced from these definitions (that is - publicity is an exclusive indication of democratic power and presence of power in mass media constitutes publicity) can be considered true either with considerable reserves or in case multiple situational contexts match.

According to the author of the article, “publicity of power” term should be defined as a set of the actions which are realized by the power within the following two processes:

1. permanent information process of disseminating the codes of management, that is – the process of disseminating general orders. This set is necessary for the state to manage speech acts of the power which should be realized openly, in public, to reach the goal set;
2. process of ritual or ceremonial acts which aim to create and corroborate the existence/legitimacy of power.